

«ДЕЛАЙ свое дело!» — этому девизу с юношеских лет верен народный артист СССР профессор Рубен Сергеевич Агамирзян, встречающий шестидесятилетие в горячих театральном труде, вне которых он не мыслит своей жизни. Наша беседа с главным режиссером Драматического театра имени В. Ф. Комиссаржевской — не подведение итогов, а размышление о том, какими путями приходят люди в эту профессию, как они в ней утверждают себя.

— Рубен Сергеевич, режиссуру называют одной из сложнейших профессий века. Почему, как вы считаете?

— Потому что одной только природной одаренности тут далеко недостаточно. Дарование — понятие неоднозначное. В него входят и гражданские и волевые качества, и общий уровень культуры, и работоспособность, и умение организовать себя во времени и пространстве, а порой, стиснув зубы, терпеть во имя будущего. Чему-то мы можем научиться в Театральном институте, но, разумеется, далеко не всему. Ну, как, например, научить человека искусству взаимоотношения с людьми? Надо объединить не административно, а эстетически, творчески огромный коллектив людей, у каждого из которых — своя судьба, свое движение, свой характер...

— Ну а если все необходимые качества есть у начинающего режиссера?

— Даже и тогда вряд ли стоит рассчитывать на путь, усыпанный розами. Режиссура — деятельность практическая. И режиссерская судьба — это длинная сложная дорога, человек должен иметь право на ошибку, на эксперимент, на собственную жизненную позицию. И было бы наивно ждать от начинающего немедленных результатов. Если проанализировать, кто сегодня занимает ключевые позиции в советской режиссуре, то это все люди, прошедшие трудный путь исканий. Кое-кто из них много лет был помощником при мастерах, другие пришли из смежных профессий, третьи долго обретали самостоятельность.

— Какой путь формирования режиссера вы считаете наиболее плодотворным?

— Бертольд Брехт как-то заметил, что комик, выступаящий на площади, — это театр, а дом с колоннами — еще не театр, а лишь здание, которое может стать театром. Когда в 20-е годы рождались, как грибы после дождя, десятки студий, то из этого движения возникла новая режиссура в купе

с новыми группами артистов. Во второй половине 50-х годов опять возникло студийное движение. Так родился «Современник», так в недрах Щукинского училища сформировался костяк Театра на Таганке во главе с Юрием Любимовым. Думаю, наибольший результат дала бы свобода возникновения и исчезновения театральных организмов — студийности.

— У режиссера еще нет своей труппы. Как ему набирать опыта, оттачивать мастерство?

— Существует система стажировки, всесоюзной и всероссийской — мы получили возможность брать стажеров из числа только что закончив-

ности. Но, знаете, меня сейчас больше волнуют даже не те, кто уже учится, а школьники, которые еще не знают, что изберут эту профессию. Что из окружающего могло бы подтолкнуть их к режиссуре? Я глубоко убежден, что дарование толкает человека изнутри. Ведь никто же не учил Пушкина писать стихи, он сам к этому пришел. Но для этого необходима соответствующая общественно-художественная атмосфера, которая помогает вывести молодого человека к началу его пути... И об этом необходимо постоянно думать и школе, и семье, и театру.

— Что же вас самого подтолкнуло к театру и в каком

— Война прервала учебу, вы ушли в армию. Как сейчас вы оцениваете эти годы?

— При всей своей трагичности война сыграла в моей жизни роль катализатора — я понял, почему фунт лиха, видел и беззаветное мужество и подлость в их наивысших проявлениях. Сейчас вновь и вновь обращаюсь к войне. Наш театр, родившийся в блокаду, считает воплощением этой темы своим гражданским и художественным долгом. В последние годы меня больше всего интересует война без войны — нравственные проблемы сегодняшнего дня, опрокинутые в экстремальные условия военного времени. И в институте со своими учениками я на каж-

хайловичем Симоновым. Оно состоялось, когда я ставил в БДТ его пьесу «Четвертый». Никогда не встречал человека, который относился бы к себе с такой мерой требовательности, как Симонов. Может быть, многие черты его исключительского дарования исходили именно из этого качества. И когда я ставил «Генерала Серпилина», мне хотелось воплотить в главном герое качества самого Симонова. Внешне ничего общего, а вот по складу характера — полное совпадение. Мы в жизни и сами порой не понимаем, что на нас воздействует. А когда начинаешь анализировать, то выходит, что ни одна встреча или книга, ни один фильм или спектакль не остается без последствий. Что-то потом обязательно пригодится в твоём режиссерском деле.

— Что вам как режиссеру кажется сегодня наиболее существенным в воспитательной миссии театра?

— Вопросы нравственности надо ставить сейчас как никогда остро. Для меня театр — это аванпост борьбы с бездуховностью, за те нравственные ценности, которые человечество выработало за свою многовековую историю. А сейчас есть опасность, что мир вещей, мир меркантильных страстей хочет дать нам бой не на шутку. Вот почему я, например, с удовольствием поставил «Гнездо глухаря» — спектакль о бессмысленности нацистского приводащего человека к духовному краху.

— Многие ли из задуманного вам удалось осуществить?

— К сожалению, до обидно мало, хотя театру я отдаю большую часть времени и сил. У меня вот есть красненькая книжечка, которую все мои актеры знают, и тут записано много пьес, которые я хотел бы поставить. Но очень медленно этот список уменьшается. Вот, пожалуйста. «Полоумный Журден» Булгакова, «Васса Железнова» — первая редакция, «Выбор» Бондачева, «Блокадный дневник», «Отелло», «Юлий Цезарь», «Дантон» Бюхнера, «Легенда о любви» Хикмета, «Последняя любовь Насреддина»... Ну, эту пьесу сейчас ставим. Хватит? Все записано на многие годы вперед.

— Что ж, хорошо, когда впереди так много работы...

— Во всяком случае у меня есть внутреннее удовлетворение, что жизненный путь, который я себе наметил в шестнадцать лет, так или иначе состоялся.

Беседу вел
О. СЕРДОБОЛЬСКИЙ,
корр. ЛЕНТАСС

ТРУДНЫЙ ПУТЬ В РЕЖИССЕРЫ

Наш собеседник — главный режиссер Театра имени В. Ф. Комиссаржевской, народный артист СССР профессор Рубен Сергеевич Агамирзян

ших институт. По-моему, это хорошая практика. Интересное предложение высказал Георгий Александрович Товстоногов о создании системы стажировки при Учебном театре нашего института.

— За три десятилетия, по самым скромным подсчетам, в Ленинграде получили режиссерские дипломы более трехсот человек. А если мы начнем перечислять, кто из них заметно проявил себя в театре, то не наберем и двух десятков. Почему же так невелик выход?

— Да, нас не устраивает количество и качество режиссеров. Но, как это ни парадоксально, в театральном деле так было всегда. Даже когда в театре работали одновременно Станиславский, Немирович-Данченко, Мейерхольд, Вахтангов, Таиров, то и тогда говорили о недостатке режиссеров. Такая уж это профессия...

— Можно ли увидеть в себе еще молодом человеке будущего режиссера?

— Эта задача, наверное, самая сложная. Его что-то толкнуло пойти именно на режиссерский факультет, а что — он и сам еще толком объяснить не может. И мы, полагаясь на театральный и педагогический опыт, стремимся разглядеть такого человека, увидеть за неумелостью будущие возмож-

возрасте это произошло!

— Я родился в очень театральном городе Тбилиси и с детства посещал русский, грузинский и армянский театры — благо говорил на трех языках. Первым в моей жизни спектаклем была опера «Риголетто». Я был настолько ошеломлен увиденным, что несколько дней проболел, и родители всерьез совещались, стоит ли меня вообще водить в театры. Начиная с нулевого класса играл в драматическом кружке нашей школы и был популярным артистом тифлиских подворотен. Студию нашу вел актер тбилисского ТЮЗа Павел Иванович Нерясов. Он к нам относился необычайно серьезно и разговаривал, как со взрослыми, а это детей всегда подкупает. От него я впервые узнал о МХАТе. В одиннадцать лет прочел книгу Станиславского «Моя жизнь в искусстве» — и она поразила меня исповедью о том, как человек преодолевает себя на пути к великой цели. Помню первые спектакли Товстоногова в тбилисском ТЮЗе — «Женитьбу», «Беспокойную старость», «Музыкантскую команду», «Полубое и розовое». А потом я поступил в училище при Театре имени Грибоедова, и Георгий Александрович, тогда еще совсем молодой, был моим педагогом.

дом курсе ставлю такие пьесы — «Звезду», «Летят журавли», «В списках не значился»... Сейчас вот репетируем «Двое в степи» Казакевича.

— Встречи в пути... Какое значение они имели для вас как для режиссера?

— В жизни мне очень везло на интересных людей. Учился у Леонида Сергеевича Вивьена, а затем работал под его началом в Пушкинском театре. Этот мастер был одним из создателей советской театральной школы и, сам талантливый актер, раскрывал в режиссерской работе актерские индивидуальности. В те годы на постановке «Гамлета» мне довелось работать с Григорием Михайловичем Козинцевым, человеком редкой образованности. Кажется, он знал все. Он любил, когда я засыпал его вопросами, и отвечал обстоятельно. Благодаря ему я познакомился с теми, кто был причастен к той памятной постановке, — Шостаковичем, Альтманом, Пастернаком. А прекрасная школа Большого драматического!.. Счастливи, что причастен к рождению спектаклей, вошедших в летопись советского театра. Ведь в нашем деле на ошибках учатся, но радуют все-таки на успехах... Если говорить о главных встречах, то это, конечно, и знакомство с Константином Ми-